

Владимир
ВЫСОЦКИЙ

Владимир ВЫСОЦКИЙ

СОБРАНИЕ
сочинений
В ОДНОМ ТОМЕ

2015
МОСКВА

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
В 93

Оформление серии *О. Горбовской*

Высоцкий В. С.

В 93 Собрание сочинений в одном томе / Владимир Высоцкий. — Москва : Эксмо, 2015. — 992 с. — (Полное собрание сочинений).

ISBN 978-5-699-52267-5

Любимого многими поэта Владимира Высоцкого представлять не нужно. Его песни находят отклик в душах большинства людей нашей страны. Эта книга представляет собой наиболее полное собрание стихотворений и прозы поэта. Ведь именно проза поэта, будучи явлением уникальным, открывает завесу тайны с замыслов, внутренней жизни поэта, некоторых черт характера.

УДК 82-1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5

ISBN 978-5-699-52267-5

© Высоцкий В., наследники, 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Песни

1960—1966

СОРОК ДЕВЯТЬ ДНЕЙ

Суров же ты, климат охотский, —
Уже третий день ураган.
Встает у руля сам Крючковский,
На отдых — Федотов Иван.

Стихия реветь продолжала —
И Тихий шумел океан.
Зиганшин стоял у штурвала
И глаз ни на миг не смыкал.

Суровой, ужасней лишенья,
Ни лодки не видно, ни зги, —
И принято было решение —
И начали есть сапоги.

Последнюю съели картошку,
Взглянули друг другу в глаза...
Когда ел Поплавский гармошку,
Крутая скатилась слеза.

Доедена банка консервов,
И суп из картошки одной, —
Все меньше здоровья и нервов,
Все больше желанье домой.

Сердца продолжали работу,
Но реже становится стук.
Спокойный, но слабый Федотов
Глодал предпоследний каблук.

Лежали все четверо в лежку,
Ни лодки, ни крошки вокруг.
Зиганшин скрутил козью ножку
Слабевшими пальцами рук.

На службе он воин заправский,
И штурман заправский он тут.
Зиганшин, Крючковский, Поплавский —
Под палубой песни поют.

Зиганшин крепился, держался,
Бодрил, сам был бледный как тень,
И то, что сказать собирался,
Сказал лишь на следующий день.

«Друзья!..» Через час: «Дорогие!..»
«Ребята! — еще через час. —
Ведь нас не сломила стихия,
Так голод ли сломит ли нас!

Забудем про пищу — чего там! —
А вспомним про наш взвод солдат...»
«Узнать бы, — стал бредить Федотов, —
А что у нас в части едят?»

И вдруг: не мираж ли, не миф ли —
Какое-то судно идет!
К биноклю все сразу приникли,
А с судна летел вертолет.

...Окончены все переплеты —
Вновь служат, — что, взял океан?! —
Крючковский, Поплавский, Федотов,
А с ними Зиганшин Асхан!

1960

ТАТУИРОВКА

Не делили мы тебя и не ласкали,
 А что любили — так это позади, —
 Я ношу в душе твой светлый образ, Валя,
 А Леша выколлот твой образ на груди.

И в тот день, когда прощались на вокзале;
 Я тебя до гроба помнить обещал, —
 Я сказал: «Я не забуду в жизни Вали!»
 «А я — тем более!» — мне Леша отвечал.

И теперь реши, кому из нас с ним хуже,
 И кому трудней — попробуй разбери:
 У него — твой профиль выколлот снаружи,
 А у меня — душа исколота снутри.

И когда мне так уж тошно, хоть на плаху, —
 Пусть слова мои тебя не оскорбят, —
 Я прошу, чтоб Леша расстегнул рубаху,
 И гляжу, гляжу часами на тебя.

Но недавно мой товарищ, друг хороший,
 Он беду мою искусством поборол:
 Он скопировал тебя с груди у Леши
 И на грудь мою твой профиль наколот.

Знаю я, своих друзей чернить неловко,
 Но ты мне ближе и роднее оттого,
 Что моя — верней, твоя — татуировка
 Много лучше и красивше, чем его!

1961

КРАСНОЕ, ЗЕЛЕНОЕ

Красное, зеленое, желтое, лиловое,
 Самое красивое — на твои бока!

А если что дешевое — то новое, фартовое, —
А ты мне — только водку, ну и реже — коньяка.

Бабу ненасытную, стерву неприкрытую,
Сколько раз я спрашивал: «Хватит ли, мой свет?»
А ты — всегда испитая, здоровая, небитая —
Давала мне водку и кричала: «Еще нет!»

На тебя, отраву, деньги словно с неба сыпались —
Крупными купюрами, «займом золотым», —
Но однажды — всыпались, и сколько мы ни рыпались —
Все прошло, исчезло, словно с яблонь белый дым.

Бог с тобой, с проклятою, с твоею верной клятвою
О том, что будешь ждать меня ты долгие года, —
А ну тебя, патлатую, тебя саму и мать твою!
Живи себе как хочешь — я уехал навсегда!

<1961>

Я БЫЛ ДУШОЙ ДУРНОГО ОБЩЕСТВА

Я был душой дурного общества,
И я могу сказать тебе:
Мою фамилию-имя-отчество
Прекрасно знали в КГБ.

В меня влюблялася вся улица
И весь Савеловский вокзал.
Я знал, что мной интересуются,
Но все равно пренебрегал.

Свой человек я был у *скóкарей*,
Свой человек — у *щипачей*, —
И гражданин начальник Токарев
Из-за меня не спал ночей.

Ни разу в жизни я не мучился
И не скучал без крупных дел, —

Но кто-то там однажды скурвился, *ссучился* —
Шепнул, навел — и я сгорел.

Начальник вел себя не въедливо,
Но на допросы вызывал, —
А я всегда ему приветливо
И очень скромно отвечал:

«Не брал я на душу покойников
И не испытывал судьбу, —
И я, начальник, спал спокойненько
И весь ваш МУР видал в гробу!»

И дело не было отложено,
И огласили приговор, —
И дали всё, что мне положено,
Плюс пять мне сделал прокурор.

Мой адвокат хотел по совести
За мой такой веселый нрав, —
А прокурор просил всей строгости —
И был, по-моему, не прав.

С тех пор заглохло мое творчество,
Я стал скучающий субъект, —
Зачем мне быть душою общества,
Когда души в нем вовсе нет!

1961

ЛЕНИНГРАДСКАЯ БЛОКАДА

Я вырос в ленинградскую блокаду,
Но я тогда не пил и не гулял.
Я видел, как горят огнем Бадаевские склады,
В очередях за хлебушком стоял.

Граждане смелые,
а что ж тогда вы делали,
Когда наш город счет не вел смертям?

Ели хлеб с икоркою, —
а я считал махоркою
Окурок с-под платформы черт-те с чем напололам.

От стужи даже птицы не летали,
И вору было нечего украсть.
Родителей моих в ту зиму ангелы прибрали,
А я боялся — только б не упасть!

Было здесь дó фига
голодных и дистрофиков —
Все голодали, даже прокурор, —
А вы в эвакуации
читали информации
И слушали по радио «От Совинформбюро».

Блокада затянулась, даже слишком,
Но наш народ врагов своих разбил, —
И можно жить как у Христа за пазухой, под мышкой,
Но только вот мешает бригадмил.

Я скажу вам ласково,
граждане с повязками,
В душу ко мне лапою не лезь!
Про жизнь вашу личную
и непатриотичную
Знают уже органы и ВЦСПС!

1961

БОДАЙБО

Ты уехала на короткий срок,
Снова свидеться нам — не дай бог, —
А меня в товарный — и на восток,
И на прииски в Бодайбо.

Не заплачешь ты и не станешь ждать,
Навещать не станешь родных, —

Ну а мне плевать — я здесь добывать
Буду золото для страны.

Все закончилось: смолкнул стук колес,
Шпалы кончились, рельсов нет...
Эх бы взвыть сейчас! — жалко нету слез —
Слезы кончились на семь лет.

Ты не жди меня — ладно, бог с тобой, —
А что туго мне — ты не грусти.
Только помни — не дай бог тебе со мной
Снова встретиться на пути!

Срок закончится — я уж вытерплю,
И на волю выйду как пить, —
Но пока я в зоне на нарах сплю,
Я постараюсь всё позабыть.

Здесь леса кругом гнутся по ветру,
Синева кругом — как не выть!
Позади — семь тысяч километров,
Впереди — семь лет синевы...

1961

ГОРОД УШИ ЗАТКНУЛ

Город уши заткнул и уснуть захотел,
И все граждане спрятались в норы.
А у меня в этот час еще тысячи дел, —
Задерни шторы
и проверь запоры!

Только зря: не спасет тебя крепкий замок,
Ты не уснешь спокойно в своем доме, —
Потому что я вышел сегодня на *скок*,
А Колька Дёмин —
на углу на *стрёме*.

И пускай сторожит тебя ночью лифтер
И ты свет не гасил по привычке —
Я давно уже гвоздик к замочку притер,
Попил водички
и забрал вещички.

Ты увидел, услышал — как листья дрожат
Твои тощие, хилые мощи, —
Дело сделал свое я — и тут же назад,
А вещи — теще
в Марьиной Роще.

А потом — до утра можно пить и гулять,
Чтоб звенели и пели гитары,
И спокойно уснуть, чтобы не увидеть
Во сне кошмары,
мусорóв и нары.

Когда город уснул, когда город затих —
Для меня лишь начало работы...
Спите, граждане, в теплых квартирках своих —
Спокойной ночи,
до будущей субботы!

1961

* * *

Что же ты, зараза, бровь себе подбрила,
Для чего надела, падла, синий свой берет!
И куда ты, стерва, лыжи наострила —
От меня не скроешь ты в наш клуб второй билет!

Знаешь ты, что я души в тебе не чаю,
Для тебя готов я днем и ночью воровать, —
Но в последнее время чтой-то замечаю,
Что ты стала мне слишком часто изменять.

Если это Колька или даже Славка —
Супротив товарищев не стану возражать,

Но если это Витька с Первой Перьяславки —
Я ж те ноги обломаю, в бога душу мать!

Рыжая шалава, от тебя не скрою:
Если ты и дальше будешь свой берет носить —
Я тебя не трону, а в душе зарюю
И прикажу залить цементом, чтобы не разрыть.

А настанет лето — ты еще вернешься,
Ну а я себе такую бабу отхвачу,
Что тогда ты, стервь, от зависти загнешься,
Скажешь мне: «Прости!» — а я плевать не захочу!

1961

* * *

Позабыв про дела и тревоги
И не в силах себя удержать,
Так люблю я стоять у дороги —
Запоздалых прохожих пугать!

«Гражданин, разрешите папироску!»
«Не курю. Извините, пока!»
И тогда я так просто, без спросу
Отбираю у дяди *бока*.

Сделав вид, что уж все позабыто,
Отбежав на полсотни шагов,
Обзовет меня дядя бандитом,
Хулиганом — и будет таков.

Если ж женщину я повстречаю —
У нее не прошу закурить,
А спокойно ей так замечаю,
Что ей некуда больше спешить...

Позабыв про дела и тревоги
И не в силах себя удержать,
Так люблю я стоять у дороги!..
Только лучше б мне баб не встречать!

<1961 или 1962>